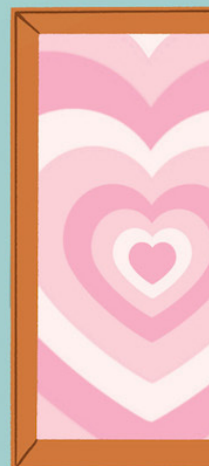
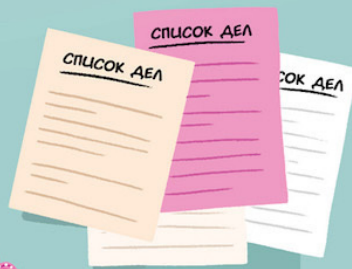

Дневники принцессы

СОХРАНИТЕ
ПЛАНЕТУ

Мэг Кэбот

Перевод Марии Торчинской

Дневники принцессы

Мэг Кэбот

Дневники принцессы

«Popcorn books»

2000

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

Кэбот М.

Дневники принцессы / М. Кэбот — «Popcorn books»,
2000 — (Дневники принцессы)

ISBN 978-5-6047181-0-0

Миа Термополис – обычная четырнадцатилетняя школьница из Нью-Йорка. Все, что ее волнует, – это двойки и отсутствие личной жизни. Она влюблена в старшеклассника Джоша Рихтера и мечтает, чтобы он пригласил ее на танцы. Но жизнь Мии меняется с ног на голову, когда к ней внезапно приезжает отец и признается в том, что он принц маленькой европейской страны Дженовии. А это значит, что Миа – принцесса.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-6047181-0-0

© Кэбот М., 2000
© Popcorn books, 2000

Содержание

Четверг, 2 октября	9
Благодарности	10
Вторник, 23 сентября	11
Среда, 24 сентября. Пятый урок	12
Четверг, 25 сентября	14
Пятница, 26 сентября	16
Позже в пятницу	17
Суббота, 27 сентября	19
Воскресенье, 28 сентября	21
Понедельник, 29 сентября, О.О.	22
Вторник, 30 сентября	24
Среда, 1 октября	26
Из переписки на занятии О.О.	27
Четверг, 2 октября	28
Позже в четверг	32
Еще позже в четверг	36
Пятница, 3 октября, на продленке	37
По-прежнему пятница. Алгебра	40
Поздно вечером в пятницу	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мэг Кэбот

Дневники принцессы

THE PRINCESS DIARIES

by Meg Cabot

Published in the Russian language by arrangement with The Marsh Agency Ltd.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Copyright © 2000 by Meggin Cabot

© Мария Торчинская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2022

Cover art © by Ana Hard

* * *

Meg Cabot

The Princess Diaries

Мэг Кэбот

Дневники принцессы

Перевела с английского Мария Торчинская

POPCORN BOOKS

Москва

Четверг, 2 октября

Женский туалет в отеле «Плаза»

Теперь понятно, почему он маме понравился, когда она училась в колледже. Он тогда слегка смахивал на Алека Болдуина.

Но ПРИНЦ? Целой страны? Не, ну я знала, что он политик, и понимала, что у него есть деньги – сколько ребят из нашей школы отдыхают летом в собственном поместье во Франции? На острове Мартас-Виньярд – возможно, но не во Франции же. Но не принц же...

И объясните мне, пожалуйста, если мой папа принц, то почему я должна учить алгебру? Не, ну правда.

Благодарности

Автор выражает благодарность всем, кто помог в создании и публикации этой книги: Бет Эдер, Дженнифер Браун, Барбаре Кэбот, Чарльзу и Бонни Игнац, Эмили Фэйт, Лоре Лэнгли, Рону Маркману, Эбигейл Макаден, А. Элизабет Майкселл, Мелинде Маунси, Дэвиду Уолтону, Аллегре Йели и особенно – Бенджамину Игнацу.

«Что бы ни случилось, – сказала она, – этого не изменить. Даже если мне суждено быть принцессой в лохмотьях и заплатах, в душе я все равно останусь принцессой. Легко быть принцессой в золотой парче, но настоящая победа в том, чтобы оставаться ею, даже когда никто об этом не знает».

«Маленькая принцесса»

Фрэнсис Ходжсон Бернетт

Вторник, 23 сентября

Иногда мне кажется, что я только и делаю, что вру.

Мама считает, что я не даю воли своим чувствам.

«Нет, мамочка, что ты. Все супер. Если ты счастлива, то и я тоже счастлива», – говорю я.

«А по-моему, ты говоришь неправду», – отвечает мама.

И она вручает мне вот этот самый дневник и просит записывать туда все свои мысли и чувства, поскольку – говорит она – совершенно очевидно, что я не могу поделиться ими с ней.

Она хочет, чтобы я написала все, что чувствую? Ну хорошо, я напишу:

КАК ОНА МОГЛА ТАК СО МНОЙ ПОСТУПИТЬ?!

И так уже все считают, что я урод. Причем я самый уродский урод во всей школе. Реально, у меня рост – пять футов девять дюймов¹, грудь совершенно плоская, и к тому же я еще и учусь в младшем классе. Казалось бы, куда уж хуже?

Но если в школе узнают про *это*, мне конец. Полный.

Господи, если ты правда есть, сделай так, чтобы никто не узнал!

На Манхэттене четыре миллиона людей, так? Из них примерно два миллиона мужчин. И из этих двух миллионов она выбрала мистера Джанини! Что ей стоило начать встречаться с мужиком, которого я не знаю? Могла бы познакомиться в «Д'Агостинос» или еще каком-нибудь магазине.

Ну нет, зачем же, если есть мой учитель по алгебре?

Ну спасибо тебе, мамочка. Спасибо огромное.

¹ Примерно 175 см.

Среда, 24 сентября. Пятый урок

Лилли считает, что мистер Джанини классный.

Ну да, конечно. Конечно, он классный, если ты Лилли Московиц. Он классный, если у тебя с алгеброй все зашибись, как у Лилли Московиц. Но он далеко не такой классный, если у тебя с алгеброй полная жесьть, как у меня.

Он совсем не классный, если каждый день заставляет тебя оставаться после школы и с двух тридцати до трех тридцати ты умножаешь с использованием закона распределения, вместо того чтобы тусить с друзьями. Он совсем не классный, если вызывает твою маму в школу, чтобы поговорить про жесьть с алгеброй, а сам приглашает ее на свидание.

И он совсем не классный, если целует твою маму взасос.

Не буду врать, я этого не видела. На самом деле у них еще даже первого свидания не было. Да и не думаю я, что мама позволит целовать себя взасос на первом же свидании. Ну я на это надеюсь.

Зато я на прошлой неделе видела, как Джош Рихтер целовал взасос Лану Уайнбергер. Я стояла к ним почти вплотную, поскольку они привалились к шкафчику Джоша, а у нас с ним шкафчики рядом. Вообще-то противно.

Но я была бы не против, если бы Джош поцеловал вот так меня. Вчера мы с Лилли ходили в магазин «Бигелоу» покупать для ее мамы пилинг с кислотами, и я увидела Джоша, который стоял в очереди в кассу. Он меня тоже заметил, и так слегка улыбнулся, и сказал: «Привет».

Он покупал мужской одеколон «Драккар Нуар». Я взяла пробник этого одеколona у продавщицы и теперь могу нюхать, как пахнет Джош, когда захочу и прямо у себя дома.

Лилли говорит, наверное, у Джоша вчера что-то приключилось с головой, может, тепловой удар или типа того. Вроде я ему кого-то напомнила, но кого именно, без фонового рисунка в виде бетонной стены нашей средней школы имени Альберта Эйнштейна, он так и не понял. Иначе с какой стати он, один из самых популярных парней в школе, стал бы говорить «Привет» мне, какой-то девятикласснице по имени Миа Термополис.

Но я-то знаю, что тепловой удар тут ни при чем. На самом деле, когда Джош без Ланы и этих своих дружков-качков, он совсем другой. И ему неважно, если у девчонки грудь плоская или сорок первый размер ноги, поскольку он читает прямо у нее в душе. Я это точно знаю, потому что тогда, в «Бигелоу», заглянула ему в глаза и увидела, как его чуткая натура рвется наружу.

Лилли говорит, у меня буйное воображение и патологическая склонность придумывать бешенные страсти на ровном месте и мои страдания по поводу мамы и мистера Дж. – яркий тому пример.

– Если тебя это так расстраивает, просто скажи об этом маме, – говорит Лилли. – Объясни ей, что ты не хочешь, чтобы она с ним встречалась. Не понимаю я тебя, Миа. Ты вечно ходишь вокруг да около и не признаешься в том, что действительно чувствуешь. Почему бы тебе для разнообразия не сказать четко и ясно о своих чувствах? Они, между прочим, тоже имеют значение.

Ага, сейчас. Вот прям возьму и все испорчу. Мама ходит такая счастливая из-за этого свидания, что меня тошнит от одного взгляда на нее. И она все время готовит, я не шучу. Вчера вечером она впервые за много месяцев приготовила пасту. Я только раскрыла меню китайского ресторанчика с доставкой, а она вдруг говорит:

– Сегодня обойдемся без остывшей лапши, малышка. Я приготовила пасту.

Пасту! Моя мама приготовила пасту!

Она даже не забыла о моих правах как вегетарианки и не положила мне в соус тефтели. Ничего не понимаю.

НЕ ЗАБЫТЬ

1. Купить наполнитель для кошачьего туалета.
2. Доделать уравнения для мистера Дж.
3. Перестать рассказывать обо всем Лилли.
4. Сходить в магазин для творчества «Перл Пэйнт»: купить мягкие графитовые карандаши, баллончики с краской, пяльцы (маме).
5. Написать к уроку по истории мировой цивилизации доклад про Исландию (пять страниц с двойным интервалом).
6. Перестать постоянно думать про Джоша Рихтера.
7. Отнести в прачечную грязное белье.
8. Оплатить квартиру за октябрь (проследить, чтобы мама обналичила чек от папы!!!).
9. Быть тверже.
10. Измерить грудь.

Четверг, 25 сентября

Сегодня на алгебре я только и думала о том, как завтра во время свидания мистер Джанини будет целовать в засос мою маму. Сидела, тупо глядя прямо на него. Он задал мне самый простейший вопрос – по-моему, он все простые вопросы специально для меня придерживает, чтобы я не чувствовала себя совсем уж лишней на уроке или типа того. А я вообще не слышу, о чем он там говорит. Такая: «Чё?»

И тут Лана Уайнбергер издала свой фирменный смешок, наклонилась ко мне, так что все ее золотые кудри свесились на мой стол, а меня обдало волной ее духов, и злобно прошипела: – Урод.

Врастяжку так прошипела: ур-р-род.

Ну вот почему всякие милые люди вроде принцессы Дианы вечно погибают в каких-то авариях, а с такими гадинами, как Лана, никогда ничего не случается? Не понимаю, что Джош Рихтер в ней нашел. Ну то есть да, она, конечно, хорошенькая. Но такая мерзкая! Неужели он не замечает?

Хотя с Джошем она, наверное, нежная и ласковая. Я-то точно была бы нежной. Он самый красивый парень в нашей средней школе имени Альберта Эйнштейна. Многие мальчишки в школьной форме – серые брюки, белая рубашка и черный свитер или безрукавка – выглядят по-дурацки. Но только не Джош. Он и в школьной форме похож на модель. Seriously.

Ну неважно. В общем я сегодня заметила, что у мистера Джанини торчат ноздри. И очень сильно. Кому захочется встречаться с человеком, у которого торчат ноздри? Я сказала об этом Лилли, когда мы обедали на большой перемене.

– Никогда не обращала внимания на его ноздри, – пожала плечами Лилли. – Ты дамплинги доедать будешь?

Лилли считает, мне надо перестать париться из-за всякой ерунды. Она уверяет, что я только думаю, будто переживаю из-за мамы и мистера Джанини, но на самом деле я переживаю совсем не из-за этого, а из-за того, что всего месяц проучилась в средней школе, а уже нахватала двоек. Лилли говорит, психологи называют это переносом.

Фигово, когда у твоей лучшей подруги родители – психоаналитики.

Сегодня они оба дружно прикапывались ко мне. Мы сидим с Лилли после школы, никого не трогаем, играем в «боггл»². А они такие каждые пять минут: «Девочки, принести вам соку?», «Девочки, на канале “Дискавери” очень интересный документальный фильм про кальмаров. Не хотите посмотреть? Кстати, Миа, как ты относишься к тому, что твоя мама начала встречаться с вашим учителем алгебры?»

– Нормально отношусь, – говорю.

Ну почему я так боюсь сказать правду?

Ага, а вдруг родители Лилли повстречают мою маму в супермаркете «Джефферсон-Маркет» или еще где-нибудь? Если я скажу им правду, они обязательно накапают ей. Но я не хочу, чтобы мама знала, насколько мне не по себе, она ходит такая счастливая.

Хуже всего то, что старший брат Лилли, Майкл, услышал наш разговор. Он тут же начал ржать как сумасшедший, хотя лично я не нахожу в этом ничего смешного.

– Твоя мама встречается с Фрэнком Джанини? Ха-ха-ха!

Ну супер. Теперь брат Лилли тоже знает.

Мне пришлось уговаривать его, чтобы он никому не рассказывал. Майкл ходит вместе со мной и Лилли на дополнительные занятия для особо одаренных. Над этими занятиями весь класс помирает со смеху, потому что миссис Хилл, которая их ведет, вообще по барабану, что

² Настольная игра в слова.

мы делаем, лишь бы не слишком шумели. Она ненавидит прибегать на наши крики из учительской, которая расположена прямо напротив класса, и орать на нас, чтобы мы замолчали.

На занятиях для особо одаренных Майкл ведет интернет-журнал «Головоломка». А я делаю домашку по алгебре. Слава богу, что миссис Хилл не смотрит, чем мы там занимаемся, поскольку мы в основном обсуждаем, как бы запереть новенького русского пацана в подсобке, чтобы не слушать, как он играет Стравинского на своей дурацкой скрипке.

К сожалению, наш союз против Бориса Пелковски и его скрипки не помешает Майклу растрепать про мою маму и мистера Дж. Он сразу стал спрашивать:

– А что ты для меня сделаешь за молчание, Термополис? Что ты для меня сделаешь?

Но я ничего не могу сделать для Майкла Москoviца. Ни домашнюю работу, ничего. Майкл учится в выпускном классе (как и Джош Рихтер), Майкл всю жизнь получает одни сплошные пятерки (как и Джош Рихтер). Майкл на следующий год наверняка поступит в Йель или Гарвард (как и Джош Рихтер).

Ну что я могу сделать для такого человека, как Майкл? Хотя и он не идеален, конечно. В отличие от Джоша Рихтера Майкл не состоит в школьной спортивной команде. Он даже в дискуссионном клубе не состоит. Майкл не любит ни коллективные занятия спортом, ни религиозные общества, вообще никакие тусовки. Большую часть времени он торчит у себя в комнате. Я как-то спросила у Лилли, что он там делает. Она ответила, что никому не известно, потому что на семейном совете было решено не приставать к Майклу с вопросами и советами.

Время от времени Майкл все-таки выходит из своей комнаты и острит. Иногда он выходит без рубашки, и я заметила, какие у него широкие плечи и грудь, несмотря на то что он игнорирует коллективные занятия спортом. И на животе кубики видно. Но это я с Лилли обсуждать не стала.

В конце концов Майклу, видно, надоели мои предложения выгулять его шелти, которого зовут Павлов, или сдать пустые жестянки обратно в супермаркет, чтобы получить там скидку, – это входит в его домашние обязанности, – и он сказал мне с отвращением: «Забудь, Термополис» – и ушел к себе в комнату.

Я спросила у Лилли, с чего Майкл так взбесился, на что она ответила, что он делал мне непристойные предложения сексуального характера, а я даже не поняла.

Неудобно-то как получилось! А вдруг Джош Рихтер когда-нибудь начнет делать мне непристойные предложения сексуального характера (надеюсь), а я даже не пойму? Господи, как же я иногда туплю.

Но Лилли сказала, я зря беспокоюсь, что Майкл разболтает друзьям в школе про маму и мистера Дж., потому что никаких друзей у него нет. Потом она спросила, с чего меня так волнуют торчащие ноздри мистера Дж., не мне же на них смотреть, а маме.

– Ну извини, – сказала я. – Мне приходится смотреть на них с девяти пятидесяти пяти до десяти пятидесяти пяти и с двух тридцати до трех тридцати каждый божий день, кроме суббот, воскресений, национальных праздников и летних каникул, – это если я не завалю экзамены и не придется ходить летом на дополнительные занятия.

А если они поженятся, я буду вынуждена смотреть на его ноздри С УТРА ДО НОЧИ, СЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ, ВКЛЮЧАЯ ПРАЗДНИКИ И КАНИКУЛЫ.

Определить, что это за набор: коллекция предметов, детали или части, входящие в набор
 $A = \{\text{Гиллиган, шкипер, Мэри Энн}\}$

Рассматривать каждый элемент по заданным правилам

$A = \{x, \text{ где } x - \text{один из выброшенных на остров Гиллигана}\}$

Пятница, 26 сентября

САМЫЕ КРУТЫЕ ПАРНИ

СПИСОК ЛИЛЛИ МОСКОВИЦ

(составленный на уроке по истории мировой цивилизации, с комментариями Мии Термополис)

1. Джош Рихтер. *(Согласна – шесть футов³ невообразимой крутизны. Пряди белокурых волос, время от времени падающие на лучистые синие глаза, и нежная, мечтательная улыбка. Единственный недостаток: встречается с Ланой Уайнбергер; говорит о плохом вкусе.)*
2. Борис Пелковски. *(Совершенно не согласна. То, что он в двенадцать лет играл на своей дурацкой скрипке в Карнеги-холле, еще не значит, что он крут. И потом, он заправляет школьный свитер внутрь, а не носит его поверх брюк, как все нормальные люди.)*
3. Пирс Броснан, самый лучший Джеймс Бонд. *(Не согласна, мне гораздо больше нравится Тимоти Далтон.)*
4. Дэниел Дэй-Льюис в «Последнем из могиكان». *(Согласна – выжить, что бы ни случилось.)*
5. Принц Уильям Английский. *(Само собой.)*
6. Леонардо в «Титанике». *(Да ладно. Это было круто в 1998-м.)*
7. Мистер Уитон, школьный тренер. *(Да, крут, но занят. Видела, как он открывает дверь в учительскую перед мадемуазель Кляйн.)*
8. Тот парень в таких джинсах на рекламе на Таймс-сквер. *(Полностью согласна. Интересно, кто этот парень? Они должны снять сериал с ним в главной роли.)*
9. Друг доктора Куин, женщины-врача. *(Правда, крутой. Куда он подевался?)*
10. Джошуа Белл, скрипач. *(Полностью согласна. Так круто встречаться с музыкантом – только не с Борисом Пелковски.)*

³ Примерно 182 см.

Позже в пятницу

Я измеряла себе грудь и вообще не думала о том, что мама сейчас на свидании с моим учителем алгебры, как вдруг позвонил папа. Сама не знаю, зачем я соврала, но я сказала, что мама в студии. Глупо, конечно, наверняка папа знает, что мама встречается с другим мужчиной. Но почему-то я просто не смогла сказать ему про мистера Джанини.

Сегодня днем, когда я занималась с мистером Дж. – решала примеры методом распределения (начали – за скобками – в скобках – закончили; начали – за скобками – в скобках – закончили... Господи, хоть раз в реальной жизни мне этот метод пригодится? Хоть раз???), и тут вдруг мистер Джанини говорит:

– Миа, я надеюсь, тебя не беспокоит то, что я неофициально встречаюсь с твоей мамой.

На какое-то мгновение мне почудилось, что он сказал не «неофициально», а «сексуально». И я мгновенно почувствовала, как вспыхнуло лицо. Просто запылало. И я быстро сказала:

– Нет, что вы, мистер Джанини, совсем не беспокоит.

– Потому что, если беспокоит, мы можем об этом поговорить, – предложил он.

Наверное, он догадался, что я вру, когда увидел, как я покраснела. Но я только повторила:

– Правда, не беспокоит. Ну то есть немножко беспокоит, но вообще все в порядке.

Ну, подумаешь, одно какое-то несчастное свидание, правда? Чего мне волноваться из-за одного несчастного свидания?

И тут мистер Джанини вдруг говорит:

– Понимаешь, Миа, я не уверен, что это всего лишь одно несчастное свидание, потому что мне действительно очень нравится твоя мама. Seriously.

Даже не знаю, как это получилось, но я вдруг словно со стороны услышала, как говорю мистеру Джанини:

– Пусть это и вправду будет серьезно, потому что, если вы доведете ее до слез, я дам вам пинка под зад.

Ой, мамочки! Этого не может быть! Я сказала учителю «зад»!

И я почувствовала, что становлюсь еще краснее, хотя куда уж больше? Ну почему меня дернуло сказать то, что я думаю, именно тогда, когда за это можно реально огрести?

Наверное, мне и правда не по себе от того, что происходит. Может, родители Лилли были правы?

Но мистер Джанини совершенно не рассердился. Он только странно улыбнулся и сказал:

– Я не собираюсь доводить твою маму до слез, но, если когда-нибудь доведу, разрешаю тебе дать мне пинка под зад.

Так что с этим все вроде как в порядке.

И папа по телефону тоже разговаривал как-то непонятно. Он, правда, всегда так разговаривает. Все эти разговоры с другим континентом страшно неудобные, потому что в трубке на заднем плане шумит океан и я начинаю нервничать, будто меня могут подслушать рыбы или еще кто. К тому же в этот раз папа звонил не мне, а маме. Может, кто-нибудь умер, и он хотел, чтобы мне об этом аккуратно сказала мама.

Может быть, бабушка? Хм-м-м...

Грудь с лета вообще не изменилась. Мама ошиблась – не было у меня никакого скачкообразного роста после того, как мне исполнилось четырнадцать. У нее, может, был, а у меня, кажется, никогда не будет. Во всяком случае, у моей груди. Все мои скачки только вверх, а не в стороны. Я сейчас самая высокая девочка в классе.

Так что, если кто-нибудь в следующем месяце (ну да) пригласит меня на танцы в День культурного многообразия, я не смогу даже надеть платье без бретелек, потому что ему будет не на чем держаться.

Суббота, 27 сентября

Мама вернулась со свидания так поздно, что я уже спала (я очень старалась не заснуть, чтобы узнать, как все прошло, но, видимо, примеры по алгебре меня доконали). Так что все расспросы остались на утро. Я вышла на кухню покормить Толстяка Луи, а мама уже была там – очень странно, обычно она спит дольше меня, хотя это я подросток, которому положено вечно хотеть спать. Может, дело в том, что у мамы все время было что-то вроде депрессии с тех пор, как ее последний друг оказался республиканцем.

А сегодня она, радостно напевая, пекла блины. Я чуть не рухнула, когда увидела, что она в такую рань суетится на кухне, да еще что-то готовит, да при этом вегетарианское.

Конечно, мама восхитительно провела время. Они поужинали у «Монте» (не самая занюханная забегаловка, браво, мистер Дж.!), погуляли по Уэст-Виллидж, а потом сидели в баре на открытой веранде в саду до двух часов утра и просто болтали. Я попыталась выяснить, как там было с поцелуями, особенно типа взасос, но мама не ответила, только смущенно улыбнулась.

Ясно. Что-то неприличное.

Они опять встречаются на следующей неделе.

Ну, наверное, я не буду возражать, если ей так хорошо.

Сегодня Лилли собирается снимать пародию на «Ведьму из Блэр» для своего телешоу «Лилли скажет все как есть». «Ведьма из Блэр» – это такой фильм про ребят, которые потащились в лес, повстречались там с ведьмой и пропали. Все, что от них осталось, это пленка с фильмом и кучки палочек. Только версия Лилли будет называться «Грин вич» – «Зеленая ведьма». Она собирается в парк Вашингтон-сквер, чтобы поснимать ручной кинокамерой туристов, которые вечно подходят к нам и спрашивают, как добраться до Грин вич Виллидж (правильно «Гринич-Виллидж», «в» не произносится, но приезжие всегда говорят неправильно).

В общем, когда к нам будут подходить туристы и спрашивать, как добраться до Грин вич Виллидж, мы должны разбежаться с воплями ужаса. А в самом конце фильма от нас останется только кучка проездных на метро. Лилли уверяет, что все, кто увидит нашу пародию, всегда будут вспоминать о ней при виде проездных на метро.

Я сказала, жалко, что в нашем фильме не будет самой ведьмы, на ее роль можно было бы взять Лану Уайнбергер. Но Лилли заявила, что тогда она играла бы саму себя и к тому же пришлось бы терпеть ее целый день, а кто на такое согласится? Да Лана и сама не придет, поскольку считает нас самыми отстойными девчонками в школе. Она побоится запятнать свою репутацию общением с нами.

Хотя, с другой стороны, Лана такая тщеславная, что, может, захочет попасть на телевидение, пусть даже на общественно-доступный канал.

Поснимав, мы заметили Слепого, который переходил Бликер-стрит в компании очередной жертвы – невинной немецкой туристки. Бедняжка еще не догадывалась, что милый человек, которому она помогает перейти через дорогу, облапает ее, как только они окажутся на той стороне, а потом сделает вид, что это получилось случайно.

Везет же мне – единственный человек, который меня облапал (не скажу, правда, что там было что лапать), и тот слепой.

Лилли говорит, что сообщит про Слепого в полицию. Как будто им заняться больше нечем. У них, наверное, есть заботы поважнее. Ловить убийц, например.

МНЕ НАДО

1. Купить наполнитель для кошачьего туалета.
2. Убедиться, что мама выслала чек на оплату квартиры.
3. Перестать говорить не то, что думаю.

4. Подготовиться к контрольной по английскому.
5. Забрать белье из прачечной.
6. Перестать думать про Джоша Рихтера.

Воскресенье, 28 сентября

Папа снова звонил, но сейчас мама и правда была в студии, поэтому мне уже не так стыдно, что промолчала в прошлый раз насчет нее и мистера Джанини. И опять он как-то странно разговаривал, так что я не выдержала и спросила:

– Папа, что случилось? Бабушка умерла?

– Нет, Миа, что ты, – испугался он. – С чего ты взяла?

Ну я и объяснила, что он как-то странно себя ведет. Он сразу начал уверять, что ничего не странно. Врал, конечно, потому что я же слышу, что странно. Но я решила на него не давить и стала рассказывать про Исландию, поскольку мы сейчас ее изучаем на истории мировой цивилизации. В Исландии самое большое количество читающих людей, потому что там заняться больше нечем, кроме чтения. Еще там есть природные горячие источники, и жители ходят в них купаться. А когда в Исландию приехал с концертом оперный театр, все билеты тут же расхватывали, и девяносто восемь процентов населения там побывали, выучили все слова наизусть и потом распевали целыми днями.

Я бы не отказалась пожить в Исландии, весело там, не то что на Манхэттене, где могут взять и плюнуть в тебя ни с того ни с сего.

Но на папу Исландия особого впечатления не произвела, хотя по сравнению с ней все остальные страны как-то не дотягивают. Правда, папа и сам живет в довольно маленькой стране. Думаю, если бы к ним приехала опера, то на концерт явилось бы процентов восемьдесят жителей – тоже есть чем гордиться.

Я ему все это рассказала, потому что он политик, – может, это поможет улучшить что-нибудь в Дженовии, где он живет. Хотя, наверное, Дженовии улучшаться некуда. Главный предмет ее импорта – туристы. Я знаю, потому что в седьмом классе делала доклад об импорте в страны Европы. Дженовия получает от туристов не меньше прибыли, чем Диснейленд, наверное, поэтому ее жители освобождены от налогов – государству и так денег хватает. Дженовия – княжество вроде Монако.

Папа говорит, у нас в Монако куча родственников, но я до сих пор никого не встречала, даже когда отдыхала летом у бабушки.

Я предложила папе следующим летом съездить в Исландию, вместо того чтобы гостить у бабушки в ее французском замке Мираньяк. Бабулю, конечно, придется оставить дома, Исландия ей не понравится. Ей нигде не нравится, если там нельзя заказать приличный сайдкар – это ее любимый коктейль, который она готова пить двадцать четыре часа в сутки.

– В следующий раз об этом поговорим, – ответил папа и повесил трубку.

И больше ничего не сказал.

Правильно мама о нем говорит.

Расстояние на шкале от нуля до заданного числа называется... абсолютной величиной... всегда положительное

Понедельник, 29 сентября, О.О.

Сегодня я очень внимательно рассматривала мистера Джанини, чтобы понять, получил ли он от свидания такое же удовольствие, как мама. Вид у него, надо сказать, был вполне довольный. Во время урока, когда мы обсуждали квадратичную формулу (А как же закон расщепления? Я только-только начала врубаться, а уже новая тема; неудивительно, что я все время отстаю), он вдруг спросил, не собирается ли кто-нибудь из нас участвовать в осенней школьной постановке «Моей прекрасной леди». А потом вдруг говорит так вдохновенно:

– А знаете, из кого получится прекрасная Элиза Дулитл? Миа, думаю, из тебя!

Я чуть не умерла сразу. Понятно, что мистер Джанини просто хотел выразить мне свою симпатию – он ведь все-таки встречается с моей мамой и все такое. Но тут он вообще со свистом мимо пролетел. Во-первых, прослушивания, конечно, уже были. И даже если бы я в них участвовала (а я бы не участвовала, потому что отстаю по алгебре, вы не забыли, мистер Джанини?), я никогда не получила бы роли, тем более главной. Я не умею петь. Я и говорю-то с трудом.

Главную роль не получила даже Лана Уайнбергер, которая в младшей школе всегда играла главных героинь. Но роль Элизы дали девочке из старших классов, а Лана будет играть служанку, зрительницу на скачках в Аскоте и какую-то шпану в массовке. Лилли – горничная, ее работа – включать и выключать свет между актами.

Я настолько офигела от выступления мистера Джанини, что не смогла выдавить из себя ни слова. Просто сидела и чувствовала, как заливаюсь краской. Может быть, поэтому на большой перемене, когда мы с Лилли проходили мимо моего шкафчика, Лана, которая стояла неподалеку, поджидая Джоша, сказала мне самым мерзким своим тоном:

– А, привет, Амелия.

Никто не называет меня Амелией (кроме бабушки) с детского сада, когда я попросила всех этого не делать.

А когда я наклонилась, чтобы достать деньги из рюкзака, Лана, успевшая глянуть мне за вырез блузки, протянула:

– Какая прелесть! Ты все еще не доросла до лифчика! Ну, пластырем залепить – будет в самый раз!

Наверное, я не выдержала бы и врезала ей как следует (на самом-то деле вряд ли; психоаналитики Московиц считают, что я боюсь конфликтов), но тут ИМЕННО В ЭТОТ САМЫЙ МОМЕНТ подошел Джош Рихтер. Он, конечно, все слышал, но сказал только:

– Можно пройти?

Это он Лилли сказал, потому что она загораживала его шкафчик.

Я хотела слинять в столовку и поскорее все забыть – вот только этого мне не хватало для полного счастья, чтобы при Джоше Рихтере заговорили о моей несуществующей груди! – но Лилли молчать не будет. Она вспыхнула и сказала Лане:

– Хоть бы ты поскорее уползла куда-нибудь, свернулась там кольцом и сдохла, Уайнбергер, сделай такое одолжение!

Никто не смеет говорить Лане, чтобы она свернулась кольцом и сдохла. От слова «совсем». Ну если этот человек не хочет, чтобы все стены в женском туалете были исписаны его именем. Это, конечно, еще не самое ужасное – мальчишки-то не увидят надписей в женском туалете, – но мне все равно как-то хочется обойтись без своего имени на туалетных стенах.

Но Лилли на такие вещи плевать. Она вообще-то низенькая и круглая и смахивает на мопса, но ее совершенно не волнует то, как она выглядит. У нее свое шоу на телевидении публичного доступа, и ей постоянно звонят парни и говорят, какая она страшная, а еще про-

сят ее задрать рубашку (у Лилли с грудью все в порядке, полнота «С»), но она только хохочет в ответ.

Лилли ничего не боится. Так что, когда Лана на нее поперла из-за этого «свернись кольцом и сдохни», Лилли в ответ только глаза вытаращила, типа «ну ужаль, ужаль». Все это могло бы закончиться грандиозной девчачьей дракой – Лилли смотрела «Зену – королеву воинов» и умеет лупить почем зря, – если бы Джош Рихтер, захлопнув свой шкафчик, не сказал с глубоким отвращением:

– Пойду-ка я отсюда.

И Лана, бросив нас, как горячую картошину, кинулась за ним с криками:

– Джош, подожди! Подожди меня, Джош!

А мы с Лилли так и остались стоять на месте, хлопая глазами друг на друга и не веря себе. И я все еще не верю. Что это за люди такие вообще? И почему я вынуждена общаться с ними изо дня в день?

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Алгебра: № 1–12, с. 79

Английский: предложение

Ист. мир. цив.: вопросы в конце 4-й главы

О.О.: не задано

Французский: употребить глагол *avoir* в отриц. предл., читать уроки 1–3, *pas de plus*

Биология: не задано

$B = \{x/\text{где } x - \text{целое число}\}$

$D = \{2,3,4\}$

4ED

5ED

$E = \{x/\text{где } x - \text{целое число, которое больше 4, но меньше 258}\}$

Вторник, 30 сентября

Реально происходит что-то странное. Прихожу я из школы, а мама дома (обычно в будни она целый день работает у себя в студии). И она так загадочно на меня посмотрела, а потом говорит:

– Нам надо кое-что обсудить.

Она не напевала и не готовила, поэтому мне сразу стало ясно, что все серьезно. Я сначала еще надеялась, что, может, бабушка все-таки умерла, но уже было понятно, что все гораздо хуже, и тогда я реально заволновалась – а вдруг беда с Толстяком Луи, как в прошлый раз, когда он заглотнул носок. Ветеринар взял с нас тысячу долларов за то, чтобы извлечь носок из крошечного кошачьего желудка. Он потом еще месяц ходил с таким забавным выражением на морде. Толстяк Луи, конечно, а не ветеринар.

Но тут выяснилось, что речь пойдет не о моем коте, а о моем отце. Он, оказывается, называл не просто так, а хотел сообщить новость, которую только-только узнал: из-за его рака у него больше не может быть детей.

Рак – страшная болезнь, но, к счастью, у папы была та его форма, которая лечится. Папе сделали операцию и отрезали часть тела, где была опухоль, а потом провели химиотерапию, и вот уже прошел год, и все у него в порядке.

К сожалению, часть тела, которую отрезали, это...

Бе, мне даже писать противно.

Яичко.

Фу, гадость.

Оказывается, когда человеку отрезают яичко, а потом еще проводят химиотерапию, он практически всегда становится бесплодным. Именно это и случилось с папой.

Мама сказала, он в отчаянии, и мы должны отнестись к нему с пониманием и состраданием, потому что мужчинам необходимо чувствовать уверенность в разных вещах, например в том, что они способны воспроизводить потомство.

Но я, честно говоря, не поняла, из-за чего столько шума. Зачем ему еще дети, если у него уже есть я? Конечно, мы видимся только на летних и зимних каникулах, но разве этого мало? Папа ведь страшно занят в своей Дженовии. Не так-то просто руководить государством, даже если оно всего в милю длиной, поэтому у папы больше ни на что не хватает времени, кроме меня и подружек. Вокруг него всегда вьется какая-нибудь новенькая подружка, и он берет ее с собой, когда мы летом едем к бабушке во Францию. Она тащится от бассейна, конюшни, водопада, двадцати семи спален, бального зала, виноградников, поместья и собственной взлетной полосы. А через неделю папа ее бросает.

Вот уж не думала, что он собирался жениться на одной из этих подружек и завести детей. На маме, например, он не женился. Мама уверяет, это потому, что она в те времена презирала буржуазную мораль общества, которое не признает равенство мужчин и женщин и право женщины быть личностью. Но я подозреваю, что папа просто не сделал ей предложение.

В любом случае мама сказала, что завтра он прилетит в Нью-Йорк, чтобы обсудить все со мной. Непонятно только зачем? Я-то здесь при чем? Я спросила у мамы, с какого перепугу папа потащится в такую даль, чтобы побеседовать со мной о том, что он не может иметь детей.

У нее опять стало загадочное лицо, она начала говорить, но тут же оборвала себя и ответила только:

– Спроси об этом у папы.

Плохо дело. Она так говорит только в тех случаях, когда я задаю вопросы, на которые ей не хочется отвечать, типа зачем люди иногда убивают собственных младенцев или почему американцы едят так много красного мяса и читают гораздо меньше, чем жители Исландии.

Не забыть: почитать, что такое буржуазная мораль и стерильность.

Закон распределения

$$5x + 5y - 5$$

$$5(x + y - 1)$$

Распределить что???? Узнать до контрольной!!!

Среда, 1 октября

Папа приехал. Ну не к нам в мансарду, конечно, он всегда останавливается в «Плазе». Я иду к нему завтра, после того как он «отдохнет». Папа стал много отдыхать после того, как заболел раком. Еще он перестал играть в поло, но это, мне кажется, оттого что однажды лошадь на него наступила.

Терпеть не могу «Плазу». Последний раз, когда папа тут останавливался, меня не хотели пускать к нему, потому что я была в шортах. Мне сказали, что здесь сейчас хозяйка отеля, а она не любит, когда в ее роскошном заведении ходят как на пляже. Пришлось звонить папе снизу по телефону и просить принести мне брюки. Он велел дать трубку администратору, и уже через миг все извинялись передо мной как сумасшедшие, а потом еще подарили большую корзину, полную фруктов и шоколада. Круто. Правда, фрукты мне были не нужны, поэтому я отдала их бездомному, которого встретила возле метро на обратном пути. Но, кажется, бездомный фруктов тоже не хотел, потому что он высыпал их в канаву, а себе оставил только корзину – напялил на голову вместо шляпы.

Я поделилась с Лилли насчет того, что папа переживает из-за детей. Она считает, что это говорит о многом – например, о том, что у него до сих пор имеются неразрешенные конфликты с родителями.

– Еще бы, – фыркнула я. – Наша бабушка та еще заноза.

Лилли сказала, что никак не может прокомментировать достоверность моего заявления, поскольку никогда не встречалась с моей бабушкой. Я сотни раз спрашивала, можно ли мне пригласить Лилли в Мираньяк, но бабушка всегда отвечала, что нельзя, потому что у нее от молодежи мигрень.

Лилли считает, что, может быть, папа просто боится старости, ведь для многих мужчин понятие молодости и потенции взаимосвязаны.

По-моему, Лилли давно пора перевести в старший класс, но она сама не хочет. Говорит, ей нравится учиться в девятом классе – так у нее впереди целых четыре года⁴ для наблюдений за американскими подростками в эпоху после окончания холодной войны.

С СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ Я БУДУ:

1. Вежлива со всеми, неважно, нравятся они мне или нет.
 2. Перестану врать о том, что я чувствую.
 3. Перестану забывать тетрадь по алгебре.
 4. Буду держать свое мнение при себе.
 5. Перестану использовать дневник как тетрадь по алгебре.
- x в третьей степени – это x «в кубе».
- Из отрицательного числа квадратный корень не вычисляется.

⁴ В американских школах учатся двенадцать лет.

Из переписки на занятии О.О.

Лилли, это невыносимо. Когда она уже вернется в учительскую?

Может, никогда. Я слышала, там сегодня моют ковер с шампунем. Ой, какой же он хорошенький!

Кто хорошенький?

БОРИС!

Не хорошенький ни разу! Он мерзкий. Посмотри, что он вытворяет со свитером. Зачем он так делает?

Какая же ты ограниченная!

Я не ограниченная! Но кто-то должен ему объяснить, что в Америке свитер не заправляют в брюки!

Ну, может, в России заправляют.

Здесь не Россия. И пусть выучит новую мелодию. Если я еще раз услышу этот реквием для какого-то там короля...

Тебе просто завидно, потому что Борис – музыкальный гений, а ты не врубаешься в алгебру.

Лилли, то, что я не врубаюсь в алгебру, не значит, что я дура.

Да ладно, ладно, что с тобой такое сегодня?

НИЧЕГО!!!

Угловой коэффициент: угловой коэффициент прямой обозначается как m .

$$m = \frac{(y^2 - y^1)}{(x^2 - x^1)}$$

Найти уравнение прямой с угловым коэффициентом $= 2$.

Найти угол наклона ноздрей мистера Джанини.

Четверг, 2 октября

Женский туалет в отеле «Плаза»

М-да...

Ну вот теперь я знаю, почему папа так волнуется, что у него больше не может быть детей. ПОТОМУ ЧТО ОН ПРИНЦ!

Господи! И как долго, по их мнению, можно было держать это в тайне от меня?

Хотя, если подумать, они зашифровались не один год. Причем я ведь бывала в Дженовии. Мираньяк – бабушкино поместье, куда я езжу каждое лето и почти на каждое Рождество, – находится на самой границе Франции и Италии, совсем рядом с Дженовией. И я езжу в Мираньяк с младенчества, правда, всегда без мамы, только с папой. Мои мама и папа никогда не жили вместе. И меня это вполне устраивает, в отличие от многих детей, которые только и мечтают о том, чтобы их разведенные родители помирились и снова сошлись. А мои родители расстались еще до моего рождения, но сохранили хорошие отношения. Не считая тех моментов, конечно, когда на папу что-то накатит или мама наплюет на все с высокой колокольни, как она иногда умеет. Думаю, фигня бы какая-то получилась, если б они жили вместе.

А в Дженовию бабушка возит меня в конце каждого лета покупать одежду, когда ее уже тошнит от моего комбеза. Но, сколько я там ни бывала, никто и никогда даже не намекнул, что мой папа – ПРИНЦ.

И кстати, я ведь два года назад делала доклад о Дженовии и собственной рукой записывала фамилию королевской семьи – Ренальдо, но мне даже в голову не пришло, что папа имеет к ней какое-то отношение. Нет, я, конечно, знаю, что его зовут Филипп Ренальдо. Но в энциклопедии, которой я пользовалась, имя принца Дженовии звучало как Артур Кристоф Филипп Жерар Гримальди Ренальдо.

Еще там была фотография, но, наверное, ужасно старая. У папы волос не осталось еще до моего рождения (невозможно было догадаться, что ему делают химиотерапию, потому что он и так практически лысый). А на фотографии в энциклопедии изображен человек с целой копной волос, да еще с усами и бакенбардами.

Теперь понятно, почему он маме понравился, когда она училась в колледже. Он тогда слегка смахивал на Алека Болдуина.

Но ПРИНЦ? Целой страны? Не, ну я знала, что он политик, и понимала, что у него есть деньги – сколько ребят из нашей школы отдыхают летом в собственном поместье во Франции? На острове Мартас-Виньярд – возможно, но не во Франции же. Но не принц же...

И объясните мне, пожалуйста, если мой папа – принц, то почему я должна учить алгебру? Не, ну правда.

И, по-моему, папа не очень удачно придумал сообщить мне о том, что он принц, в ресторане «Палм-Корт» отеля «Плаза». Для начала почти один к одному повторился случай с шортами: швейцар не хотел меня пускать. Он сразу сказал:

– Детям без сопровождения взрослых вход воспрещен.

Да уж, это вам не «Один дома – 2».

А я такая:

– Но я к папе...

– Детям вход воспрещен, – повторил швейцар и добавил: – Без сопровождения взрослых.

Но это же несправедливо! И я была не в шортах, а в форме школы имени Альберта Эйнштейна: плиссированная юбка, гольфы, все как положено. Ну да, на мне были мартинсы, ну и что? Я же практически Элоиза⁵, для которой «Плаза» – дом родной.

Я битый час проторчала у дверей, бормоча: «Но мой папа... но мой папа... но мой папа», пока наконец администратор не подошел и не спросил:

– А кто у нас папа, юная леди?

Едва я назвала его имя, меня тут же впустили. Теперь-то я понимаю: даже они знали, что он принц. И только его родной дочери, единственной дочери, никто не сказал об этом ни слова!

Папа ждал меня за столом. Чаепитие в «Плазе» – целая китайская церемония. А видели бы вы немецких туристов, фотографирующихся с булочками с шоколадной крошкой! Когда я была маленькой, мне все это ужасно нравилось, и поэтому папа (который никак не поймет, что четырнадцать лет – это давно не младенчество), приезжая, каждый раз назначает мне встречу за чаем в «Палм-Корт». Нет, конечно, мы и в других местах бываем. Например, обязательно ходим на мой любимый мюзикл «Красавица и Чудовище», и мне плевать, что там Лилли говорит про Уолта Диснея и его женоненавистнические мотивы. Я смотрела этот мюзикл семь раз. И папа тоже. Его любимая сцена – это когда танцуют вилки.

И вот мы сидим, пьем чай, и он начинает мне очень серьезно говорить, что он принц Дженовии, и тут происходит страшное.

На меня нападает икота.

Такое со мной бывает, когда я выпью чего-нибудь горячего и заем чем-то хлебным. Не знаю почему. В «Плазе» со мной этого никогда раньше не случалось. А тут вдруг папа такой:

– Миа, я хочу, чтобы ты знала правду. Думаю, ты уже достаточно взрослая, и, поскольку у меня не будет больше детей, это сильно изменит твою жизнь, так что будет только честным поставить тебя в известность. Я принц Дженовии.

А я такая:

– Правда, пап? Ик-к!

– Твоя мама всегда считала, что тебе ни к чему это знать, и я с ней соглашался, потому что у меня было очень... ну, скажем, неудачное детство.

Он не шутил. Еще бы, жизнь с бабушкой вряд ли была похожа на вечный праздник. Ик-к.

– Я согласен с твоей матерью, что дворец не лучшее место для ребенка. – Тут он принялся ворчать, как ворчал всегда, когда речь заходила о маме или о том, что я вегетарианка. – Конечно, мне тогда не приходило в голову, что она вздумает растить тебя в богемной мансарде в Гринич-Виллидж, но, вынужден признать, тебе это не причинило видимого вреда. Наоборот, жизнь в Нью-Йорке закалила тебя, обеспечив изрядной дозой здорового скептицизма по отношению к роду человеческому...

Ик-к. Это он никогда не встречался с Ланой Уайнбергер.

– ...Сам я эту дозу получил лишь после того, как поступил в колледж, и, подозреваю, именно поэтому никогда не умел выстраивать личные отношения с женщинами.

Ик-к.

– Одним словом, мы с мамой всегда считали, что делаем доброе дело, скрывая от тебя этот факт, поскольку даже представить себе не могли ситуацию, при которой ты унаследовала бы трон. Мне было всего двадцать пять, когда ты родилась, и я не сомневался в том, что еще встречу другую женщину, женюсь на ней и заведу детей. Но теперь этому не бывать. Так что выходит, что ты, Миа, наследница трона Дженовии.

Я снова икнула. Это уже становилось неприлично. И это была не легкая дамская икотка, а мощные ики, сотрясающие все тело, от которых я подсказывала, как гигантская лягушка пяти

⁵ «Элоиза» – серия детских книг американской писательницы Кей Томпсон. Ее главная героиня, маленькая девочка Элоиза, живет в отеле «Плаза» в Нью-Йорке.

футов девяти дюймов ростом. К тому же получалось громко. Настолько громко, что немецкие туристы то и дело оглядывались и хихикали. Я понимала, что папа говорит мне суперсерьезные вещи, но ничего не могла с собой поделать – икала и икала. Попыталась задержать дыхание и сосчитать до тридцати, но едва дошла до десяти и опять икнула. Тогда я положила на язык кусочек сахара и рассосала его. Все равно не помогло. Я даже попробовала напугать саму себя – представила маму с мистером Джанини. Не вышло.

Тут папа наконец забеспокоился:

– Миа, ты меня слушаешь? Ты слышала хоть слово из того, что я тебе сказал?

А я ему вместо ответа:

– Пап, можно мне выйти ненадолго?

Он весь так скривился, как будто у него живот болит, и откинулся на спинку стула с измученным видом, но сказал «иди» и протянул пять долларов для служительницы в туалете. Конечно, я их сунула себе в карман. Пять долларов служительнице туалета! Да мне на всю неделю на карманные расходы выдают десять долларов!

Не знаю, бывали вы когда-нибудь в дамской комнате в «Плазе», но, по-моему, это самый классный туалет на Манхэттене. Он весь розовый, с зеркалами на стенах и маленькими банкетками повсюду на случай, если ты вдруг глянешь в зеркало и решишь грохнуться в обморок от собственной неземной красоты. Я ввалилась туда, икая, как маньяк, и все эти дамы со своими навороченными прическами обернулись с таким недовольным видом, будто я им помешала губы красить или еще чего.

Я зашла в кабинку – там в каждой кабинке, кроме унитаза, своя раковина с огромным зеркалом и туалетный столик, перед которым стоит пуфик с кисточками. Я уселась на пуфик и попыталась остановить икоту, и тут до меня наконец дошло, что мне папа сказал:

он принц Дженовии.

Очень многое вдруг стало понятным. Вот, например, когда я лечу во Францию, то захожу в самолет вместе со всеми через терминал. Но когда я прилетаю, меня выводят из салона раньше всех пассажиров, сопровождают и сажают в лимузин, который везет меня в Мираньяк к папе.

Я всегда думала, что это ему положено по программе лояльности для часто летающих пассажиров, а выходит, потому что он принц.

И когда бабушка везет меня за покупками в Дженовию, мы всегда приходим в магазин или до официального открытия, или после официального закрытия. Она заранее созванивается, чтобы нас пустили, и никто ни разу ей не отказал. На Манхэттене, если бы моя мама попробовала вот так созвониться, продавцы из «Гэп» рухнули бы от хохота.

А в Мираньяке мы никогда не ходим обедать или ужинать в кафе, всегда едим дома, ну в крайнем случае отправляемся в соседний замок Мирабо, который принадлежит этим противным англичанам с кучей хамоватых детей. Эти дети то и дело говорят друг другу «отстой» и «козел». С одной из младших девочек, ее зовут Николь, мы типа дружили. Но как-то вечером она начала рассказывать мне, как чмафкалась с парнем, а я не знала, что это такое. Мне тогда было одиннадцать, но это не оправдание, потому что ей ведь тоже было одиннадцать. Но я решила, что это какое-то чисто английское выражение вроде чилить или флексить, и произнесла его за столом при родителях Николь. После этого все дети перестали со мной разговаривать.

Интересно, эти англичане знают, что мой папа – принц Дженовии? Спорим, что да. Блин, они про меня, наверное, думали, что я какая-нибудь слабоумная.

Но большинство людей вообще никогда не слышали про Дженовию. У нас в классе, когда мы делали доклады о разных странах, никто не знал. И мама говорила, что не знала, пока не познакомилась с папой. Там нет никаких знаменитостей. Ни изобретателей, ни писателей,

ни кинозвезд. Многие жители Дженовии, как и мой дедушка, сражались против фашистов во время Второй мировой войны, но больше они ничем не отличились.

Зато люди, которые знают про Дженовию, любят туда ездить, потому что там очень красиво. Почти всегда светит солнце, с одной стороны – заснеженные вершины Альп, с другой – прозрачная синева Средиземного моря. Повсюду горы и пригорки, некоторые из них крутые, как в Сан-Франциско, и почти все заросшие оливковыми деревьями. Главный предмет экспорта Дженовии, если я правильно запомнила, – оливковое масло, причем самое качественное и дорогое, которое используют только для салатов.

И там есть дворец, причем довольно знаменитый, потому что когда-то в нем снимали кино про трех мушкетеров. Я никогда не бывала в самом дворце, но мы с бабушкой много раз проезжали мимо. Он такой весь в башенках, и арках, и шпилях. И она даже не намекнула, что там живет! Забавно.

Пока я об этом думала, икота прошла, и можно было спокойно вернуться в «Палм-Корт».

Пожалуй, я все же дам служительнице доллар, хоть она меня и не обслуживала. Могу себе это позволить, у меня ведь папа – принц!

Позже в четверг

Павильон пингвинов, Центральный парк

Мне так плохо, что я еле пишу, да еще посетители то и дело задевают мой локоть, и к тому же тут темно, но это уже неважно. Мне необходимо как можно точнее записать все, что сегодня произошло, а то еще подумаю завтра утром спросонок, что мне приснился кошмар.

Но это не кошмар. Это ПО ПРАВДЕ.

Я никому не скажу, даже Лилли. Она не поймет. Никто не поймет. Потому что никто из моих знакомых никогда не оказывался в подобной ситуации. Никто не ложился вечером в кровать одним человеком, чтобы утром обнаружить, что он кто-то совсем другой.

Наикавшись в женском туалете «Плазы», я вернулась за столик. Немецкие туристы к этому времени уже ушли, и на их местах сидели японские туристы. Очень хорошо. Японские туристы ведут себя гораздо тише. Когда я подошла, папа разговаривал по мобильному телефону. Я сразу поняла, что он говорит с мамой, потому что у него при этом бывает такое особенное выражение лица. Он говорил:

– Да, я сообщил ей. Нет, она не расстроилась. – Папа посмотрел на меня: – Ты расстроилась?

– Нет, – ответила я, потому что и правда не расстроилась.

В тот момент – еще не расстроилась.

– Она говорит, что нет, – сказал папа в трубку, послушал немного, потом снова поднял глаза на меня: – Ты хочешь, чтобы мама подъехала к нам и объяснила, что происходит?

Я помотала головой:

– Нет. Ей надо закончить картину в смешанной технике для галереи Келли Тейт. Они ее ждут к следующему вторнику.

Папа повторил мои слова маме. Она что-то ответила недовольным голосом – это даже издали было слышно. Она всегда раздражается, когда ей напоминаешь про сроки. Мама любит творить не к сроку, а по вдохновению, в присутствии муз. Поскольку все наши счета оплачивает папа, она может себе это позволить, но все-таки взрослые не должны вести себя так безответственно, даже если они художники. Клянусь, если когда-нибудь повстречаю этих маминых муз, я им такого пинка дам по их тогам, что охнуть не успеют.

В конце концов папа отключился и посмотрел на меня.

– Тебе лучше? – спросил он.

Ага, значит, заметил все-таки, как я икала.

– Лучше.

– Ты уверена, что хорошо поняла меня, Миа?

Я кивнула:

– Ты принц Дженовии.

– Да... – Казалось, он что-то недоговаривает.

Я не знала, чего он еще от меня ждет, поэтому спросила:

– А до тебя принцем Дженовии был дедушка?

– Да...

– А бабушка тогда... кто?

– Вдовствующая принцесса.

Ого. Гм. Это многое объясняет.

Папа видел, что я туплю, но все еще поглядывал на меня с ожиданием и надеждой. Тогда я попробовала мило поулыбаться ему на голубом глазу, но это не сработало.

– Ну ладно. Что? – спросила я с тяжелым вздохом, сползая на стуле.

– Миа, неужели ты не понимаешь? – огорченно проговорил папа.

Я утомленно положила голову на стол. В «Плазе» вообще-то так себя вести не положено, но что-то я не заметила, чтобы Иванка Трамп за мной наблюдала.

– Нет... Наверное, не понимаю. А что я должна понимать?

– Ты больше не Миа Термополис, малышка, – сказал папа.

Поскольку мои родители не были женаты и мама была против уз патриархата, она дала мне свою фамилию, а не папину.

Я приподняла голову и озадаченно моргнула.

– Нет? Кто же я тогда?

И папа так слегка печально произнес:

– Амелия Миньонетта Гримальди Термополис Ренальдо, принцесса Дженовии.

Вот и хорошо.

ЧТО? ПРИНЦЕССА? Я – ПРИНЦЕССА?

Ага, конечно.

Ну какая из меня принцесса? Я настолько не принцесса, что, как только папа это сказал, сразу начала плакать. Мне было отлично видно собственное отражение в большом золотом зеркале на стене напротив – физиономия сразу пошла красными пятнами, как на физре, когда мы играем в вышибалы и меня заденут мячом. Ну разве это может быть лицо принцессы?

И вообще, видели бы вы меня. Да вы в жизни не встречали человека, который настолько не похож на принцессу! У меня совершенно никакие волосы – не гладкие, не кудрявые – и свисают на спину не ровно, а углом, так что приходится их коротко стричь, чтобы не выглядеть как знак «Уступи дорогу». И я не блондинка и не брюнетка, а что-то среднее, такой цвет называют русым или грязно-русым. Прелесть, правда? И у меня огромный рот, и плоская грудь, и ноги как лыжи. Лилли говорит, единственное, что во мне есть красивого, это глаза. Они у меня серые, но в тот момент они были скорее красные и узкие, как щелки, потому что я пыталась не реветь.

Принцессы ведь не плачут, да?

Папа принялся похлопывать меня по руке. Я, конечно, люблю папу, но он просто ничего не понимал и все говорил, что ему очень жаль, а я даже ответить не могла, потому что боялась разреветься еще сильнее. Он уверял, что все не так страшно, что мне понравится жить вместе с ним во дворце в Дженовии и что я смогу навещать своих друзей, когда только захочу.

Вот тут я не выдержала.

Мало того что я принцесса, так еще и должна переехать?!

Я даже плакать перестала – так разозлилась. Просто по-страшному. Меня трудно разозлить, потому что я не люблю ссориться и все такое, но если уж я выйду из себя, то берегись!

– Я не перееду в Дженовию, – громко сказала я.

Это правда было громко, потому что все японские туристы разом обернулись и посмотрели на меня, а потом зашептались между собой.

Папа остолбенел. Последний раз я кричала на него лет сто назад, когда они с бабушкой решили, что я должна попробовать фуа-гра. Да мне пофиг, что это считается деликатесом во Франции, я не желаю есть ничего, что когда-то ходило и крякало.

– Но, Миа, – начал папа, надеясь меня вразумить, – я думал, ты поняла...

– Я поняла только то, что ты врал мне всю мою жизнь. И после этого я должна к тебе переехать?

Прекрасно понимаю, что заговорила как героиня подростковых сериалов. Да я еще и повела себя так же – вскочила, опрокинув золотой стул, и выбежала из отеля, чуть не сбив с ног сноба-швейцара.

Кажется, папа пытался меня догнать, но я, когда захочу, могу бегать очень быстро. Мистер Уитон вечно пытается заставить меня участвовать в школьных соревнованиях, но это

просто смешно, я ненавижу бегать без веской причины, а буква на дебильной куртке – на мой взгляд – такой причиной не является.

Короче, я промчалась по улице мимо дурацких туристических лошадей, впряженных в кареты, мимо большого фонтана с золотыми фигурами, мимо всех машин, столпившихся перед магазином игрушек, и влетела в Центральный парк. Уже темнело, и холодало, и было как-то страшновато, но мне было все равно. Кому понадобится нападать на девицу пяти футов девяти дюймов ростом, обутую в тяжелые берцы, и с большим рюкзаком, облепленным наклейками типа «Гринпис» и «Я топлю за животных». Никто не полезет к девице в берцах, которая к тому же вегетарианка.

Но скоро я устала бежать и тогда задумалась, куда же мне деваться, поскольку вернуться домой была еще не в состоянии. К Лилли я пойти не могла, она против любых форм правления, кроме власти народа, который высказывается напрямую или через избранных представителей. Она говорит, что, когда власть сосредоточена в руках одного человека и к тому же передается по наследству, все принципы социального равенства и уважения к личности в обществе утрачиваются. Вот почему в наше время реальная власть перешла от монархов к конституционному собранию, а королевские особы вроде Елизаветы II остались лишь символами национального единства.

Во всяком случае, так говорится в докладе Лилли, который она делала на уроке истории мировой цивилизации.

И, пожалуй, я согласна с Лилли, особенно насчет принца Чарльза, который разве что ноги не вытирал о бедную Диану. Но мой папа совсем не такой. Конечно, он играет в поло и все такое, но он никогда не обложит никого налогами без согласования.

В любом случае я была уверена, что на Лилли никак не повлияет тот факт, что жители Дженовии не платят налоги.

Я понимала, что папа сразу позвонит маме и она будет волноваться. Я ненавижу волновать маму. Она, конечно, иногда ведет себя безответственно, но это касается только счетов и продуктов. Она никогда не была безответственной по отношению ко мне. Вот у меня есть друзья, которым родители иногда забывают дать денег на метро. А некоторые ребята говорят родителям, что они идут в гости к такому-то и такому-то, а на самом деле где-нибудь напиваются, а родители даже не догадываются об этом, потому что им и в голову не придет созвониться с другими родителями.

Моя мама не такая. Она всегда созванивается.

Я понимала, что нехорошо вот так убежать и волновать ее. О папиных чувствах я тогда как-то не думала – я его почти ненавидела. Но мне необходимо было побыть одной и привыкнуть к мысли, что я принцесса. Некоторые девчонки, наверное, обрадовались бы, но только не я. Я никогда не была такой девочкой-девочкой, не красилась, не носила прозрачные колготки и всякое такое. Нет, я могу, если нужно, но лучше без этого.

Без этого гораздо лучше.

В общем, сама не знаю как – мои ноги шли куда хотели, – но я вдруг очутилась в зоопарке.

Я люблю зоопарк в Центральном парке, с детства любила. Он гораздо лучше, чем зоопарк в Бронксе, может быть, потому что он такой маленький и уютный и животные тут дружелюбнее, особенно тюлени и белые медведи. Я люблю белых медведей. В зоопарке Центрального парка есть один медведь, который целыми днями плавает на спине. Чесслово! Его один раз даже по телику показали, потому что какой-то психолог очень переживал, что у медведя сильный стресс. Фигово, когда на тебя с утра до ночи глазят люди. Но потом медведю купили игрушек, и он успокоился. Просто развалится в своем загоне – в Центральном парке нет клеток, там загоны – и наблюдает за тем, как наблюдают за ним. Иногда он обнимает мяч. Я очень люблю этого медведя.

Нарыв пару долларов, чтобы заплатить за вход – что еще хорошо в этом зоопарке, так это то, что здесь билет дешевый, – я решила проведать белого медведя. У него все было в порядке – точно лучше, чем у меня. Ему-то его папа не объявлял, что он теперь наследник какого-нибудь трона. Интересно, откуда этого медведя к нам привезли? Вот бы из Исландии.

Потом перед загоном собралось слишком много народу, и я пошла в павильон, где живут пингвины. Там, правда, воняет, зато весело. И такие огромные окна, через которые видно, что происходит под водой: как пингвины плавают, катаются с каменных склонов и всячески развлекаются. Малыши прижимают ладошки к стеклам, а когда пингвин подплывает, начинают визжать. Это жуть. Но там есть скамейка, и я на нее уселась и теперь вот пишу. Через какое-то время начинаешь привыкать к запаху. Наверное, ко всему можно привыкнуть.

Ой, мама, не верю, что это я сама написала! Я никогда не привыкну к тому, что я принцесса Амелия Ренальдо! Я даже не знаю, кто она такая! А имя звучит как название какой-нибудь дурацкой линии косметики, или как будто это героиня диснеевского мультлика, которая когда-то пропала, а потом вдруг все вспомнила и все такое.

Что мне делать? Я не могу переехать в Дженовию, не могу!!! Кто будет смотреть за Толстяком Луи? Мама точно не будет. Она себя-то покормить забывает, не то что кота.

Я уверена, мне не разрешат держать кота во дворце. Во всяком случае, не такого, как Луи, который весит двадцать пять фунтов⁶ и жрет носки. Он там всех фрейлин распугает.

Господи, что же мне делать?

Если Лана Уайнбергер об этом узнает, мне не жить.

⁶ Около 11 килограммов.

Еще позже в четверг

Конечно, я не могла сидеть в пингвиньем павильоне до бесконечности. Там погасили свет и сказали, что зоопарк закрывается. Я убрала дневник и вышла вместе с остальными посетителями. Потом села на автобус и отправилась домой в абсолютной уверенности, что огребу от мамы по полной программе. Я как-то не подумала, что могу огрести от обоих родителей одновременно. Со мной такое было впервые.

– Ну и где вы болтались, юная леди? – поинтересовалась мама. Она сидела на кухне за столом вместе с папой, а между ними стоял телефон.

– Мы умирали от беспокойства! – сказал папа одновременно с мамой.

Я уж решила, что сейчас они меня вдвоем пропесочат, но родители лишь хотели знать, что со мной все в порядке. Я заверила их, что все норм, а потом извинилась за то, что вела себя как Дженнифер Лав Хьюитт. Мне просто надо было побыть одной, объяснила я.

Я думала: ну, теперь начнется. Нет, ничего не началось. Мама попыталась накормить меня раменом, но я не стала есть, потому что он на мясном бульоне. Тогда папа предложил отправить шофера в ресторан «Нобу» за копченым сибасом, но я такая:

– Не надо, папа, я пойду спать.

Мама сразу испугалась, что я заболела, и кинулась щупать мой лоб. Я от этого опять чуть не расплакалась, и у меня, видно, лицо стало такое же, как в «Плазе», потому что папа все понял и вдруг сказал:

– Хелен, просто оставь ее в покое.

И, к моему удивлению, она оставила. Так что я заперлась у себя в ванной комнате и долго сидела в горячей ванне, потом натянула любимую пижаму – такую крутую, из красной фланели, – выковырнула Толстяка Луи из-под тахты, где он скрывался (он недолюбливает папу), и залезла в кровать.

Перед тем как заснуть, я слышала, как папа долго-долго говорил что-то маме на кухне. Его голос рокотал, как отдаленный гром. Он чем-то напомнил мне голос капитана Пикара из сериала «Звездный путь: следующее поколение».

У папы с капитаном Пикаром много общего. Оба светлокожие, лысые и правят небольшим народом.

Правда, у капитана Пикара в каждой серии все заканчивается хорошо. А вот в том, что наша с папой серия закончится благополучно, я не уверена.

Пятница, 3 октября, на продленке

Когда я проснулась сегодня утром, за окном громко курлыкали голуби, живущие на пожарной лестнице (Толстяк Луи наблюдал за ними, сидя на подоконнике, точнее, на подоконнике находилось то, что там уместилось), всюду светило солнышко. Я встала вовремя – даже не пришлось лупить по будильнику семь тысяч раз, – приняла душ и ни разу не порезалась, когда брила ноги, и нашла на дне шкафа относительно немятую блузку, и даже причесалась так, что волосы выглядели вполне сносно. Настроение было отличное. Пятница же. Это мой любимый день, не считая субботы и воскресенья. Пятница означает, что впереди у тебя два восхитительных спокойных дня, полностью свободных от алгебры.

Я зашла на кухню и увидела маму, освещенную розовым утренним светом. Она была в своем лучшем кимоно и готовила гренки. Ради меня она вместо яиц взяла яичный порошок, хотя я уже давно снова начала есть яйца, поскольку поняла, что в магазине продаются диетические, из которых в любом случае никто не вылупится.

Только я открыла рот, чтобы поблагодарить ее за такую заботу, как вдруг послышалось шуршание.

За обеденным столом (ну вообще-то за обычным кухонным, у нас и столовой-то нет, чтобы поставить там обеденный стол) сидел папа и читал «Нью-Йорк Таймс». Он был в брючном костюме.

В костюме. В семь часов утра.

И тут я вспомнила. Как я могла такое забыть?!

Я же принцесса.

Господи! Отличное настроение и прекрасный день вылетели в трубу.

– А, Миа! – сказал папа.

Я поняла, что все плохо. Обычно он говорит «А, Миа!», когда собирается прочесть мне лекцию.

Папа аккуратно сложил газету и опустил ее. Он всегда аккуратненько-аккуратненько складывает лист к листу, чтобы все было ровно. А мама никогда не складывает, она переворачивает, перепутает все страницы и так и бросит на кушетку или возле туалета. Это приводит папу в бешенство – мне кажется, на самом деле они только из-за этого и не поженились.

Мама поставила на стол наши лучшие тарелки с голубыми полосками и зеленые пластиковые стаканы в виде кактусов, купленные в «Икее». А на середину стола пристроила желтую вазу с искусственными подсолнухами – все, чтобы порадовать меня, я поняла. Она даже встала пораньше ради этого. Но я, наоборот, только еще больше расстроилась.

Потому что – спорим? – во дворце в Дженовии не выставляют к завтраку зеленые пластиковые стаканы в виде кактусов.

– Миа, нам надо поговорить, – сказал папа. С этих слов всегда начинаются его самые отстойные лекции. Правда, сегодня он вдруг отвлекся и как-то странно уставился на меня. – Что с твоими волосами?

– А что?

Я осторожно потрогала голову. Мне казалось, что сегодня мои волосы для разнообразия выглядели почти прилично.

– Все нормально у нее с волосами, Филипп, – вмешалась мама, которая всегда старается избавить меня по возможности от папиных лекций. – Садись, Миа, завтракай. Я подогрела тебе сироп для гренок, как ты любишь.

Я была очень благодарна маме. Правда. Но я не собиралась обсуждать свое будущее в Дженовии. Еще чего. Так что я быстро сказала:

– Ой, спасибо, супер, но мне уже надо бежать. У нас сегодня тест по истории мировой цивилизации, и мы с Лилли договорились вместе все повторить перед уроком.

– Сядь.

Ого. Оказывается, папа, когда захочет, умеет разговаривать командным голосом, как капитан звездолета перед галактическим собранием.

Я села. Мама положила на мою тарелку несколько гренков, я полила их сиропом и даже откусила один из вежливости. На вкус как картон.

– Миа, – начала мама. Она все еще надеялась обойтись без лекции. – Я знаю, как ты расстроена, но на самом деле все не так плохо, как тебе кажется.

Ага. Вы мне как снег на голову сообщаете, что я принцесса, и что? Мне теперь прыгать от счастья, что ли?

– Я уверена, – говорила мама, – что большинство девочек были бы счастливы узнать, что их папа принц.

Я с такими девочками незнакома. Хотя нет, неправда. Лана Уайнбергер наверняка была бы рада. Да она вообще по жизни принцесса.

– Только представь, сколько у тебя будет всяких прекрасных вещей, когда ты переедешь в Дженовию! – Мама с сияющим лицом принялась перечислять все эти прекрасные вещи, но ее голос звучал как-то ненормально, как у мамы из телесериала. – ...Например, машина! Ты сама знаешь, как сложно ездить на машине в большом городе, но в Дженовии, как только тебе исполнится шестнадцать, я уверена, что папа купит...

На это я заметила, что Европа и без моей машины страдает от загрязнения атмосферы. Выхлопные газы – одна из основных причин истончения озонового слоя.

– Ну хорошо, но ты ведь всегда мечтала о лошади, правда? В Дженовии у тебя будет лошадь. Такая симпатичная, серая, в яблоках...

Она попала по больному.

– Мама, – проговорила я, чувствуя, как глаза против воли наливаются слезами. Их невозможно было сдержать, и я вдруг снова разревелась. – Что ты делаешь? Ты что, хочешь, чтобы я уехала жить к папе, да? Я тебе надоела? Или ты хочешь, чтобы я переехала к папе, чтобы вы с мистером Джанини могли... могли...

Я не договорила, потому что начала рыдать в полный голос. Но тут мама тоже заплакала, вскочила со своего места и, подбежав, принялась меня обнимать, приговаривая:

– Ну что ты, милая! Как ты могла такое подумать! – Наконец-то она заговорила как нормальная мама, а не из телесериала. – Я ведь только хочу как лучше для тебя!

– Я тоже, – недовольно вставил папа. Он сидел, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, и с раздражением смотрел на нас.

– А для меня самое лучшее – остаться здесь и закончить среднюю школу, – сказала я. – А потом я присоединюсь к «Гринпис» и буду спасать китов.

Папа совсем рассердился.

– Ты не присоединишься к «Гринпис», – заявил он.

– Присоединюсь. – Мне было трудно говорить из-за плача, но я все-таки продолжила: – И еще я поеду в Исландию спасать бельков.

– Даже и не думай! – Папа не просто сердился, он был в ярости. – Ты поступишь в колледж. Это будет Вассар, я думаю, или, может быть, Сара Лоуренс.

Я еще сильнее залилась слезами, но не успела ничего сказать – мама вскинула руку.

– Филипп, прекрати, – сказала она. – Это так не делается. В любом случае сейчас Мие нужно в школу. Она уже опаздывает...

Я тут же вскочила, оглядываясь в поисках рюкзака и куртки.

– Мне еще нужно положить деньги на проездной, – сказала я.

Папа издал свой фирменный французский звук – что-то среднее между фырканьем и вздохом, такое: *Пфуй!* – и буркнул:

– Ларс тебя отвезет.

Я сказала, это ни к чему, потому что мы с Лилли каждый день встречаемся у метро «Астор-Плейс» и садимся на шестой поезд.

– Ларс подвезет и твою подружку.

Я оглянулась на маму. Она смотрела на папу. Ларс – это папин водитель. Он везде следует за папой. Сколько лет я знаю папу, ну вообще-то всю свою жизнь, у него всегда был водитель – какой-нибудь могучий качок, который раньше охранял президента Израиля или другую важную персону.

Только сейчас до меня вдруг дошло, что все эти водители были на самом деле телохранителями.

Жесть.

Вот уж чего я точно не хочу, так это чтобы меня возил в школу папин телохранитель. И как я объясню это Лилли? «А, Лилли, не обращай внимания, это просто папин водитель». Ну да, ага. У нас в школе имени Альберта Эйнштейна есть только одна ученица, которую возят в школу на машине. Это до неприличия богатая девочка из Саудовской Аравии по имени Тина Хаким Баба, ее папе принадлежит большая нефтяная компания. Все смеются над этой девочкой, потому что ее родители страшно боятся, как бы ее не похитили между Семьдесят пятой улицей и Мэдисон-стрит, где находится наша школа, и Семьдесят пятой улицей и Пятой авеню, где она живет. Ее повсюду сопровождает телохранитель, он ходит за ней даже из класса в класс и переговаривается по рации с водителем. Это все-таки перебор, согласитесь.

Но папа уперся с этим водителем и ни в какую. Видите ли, раз я официально стала принцессой, о моем благополучии теперь надо особенно заботиться. Еще вчера, оставаясь Мией Термополис, я преспокойно разъезжала себе на метро, а сегодня, став принцессой Амелией, могу забыть об этом навсегда.

Короче, спорить было бессмысленно. Это было еще не самое плохое из всего, о чем мне предстояло переживать. Например, в какой стране я скоро буду жить.

Папа вызвал Ларса, чтобы тот провел меня от нашей мансарды прямо до машины. Было ужасно неловко, но, выходя из квартиры, я услышала, как папа говорит маме:

– Ладно, Хелен. Так что там за Джанини, о котором упомянула Миа?

Упс.

$$ab = a + b$$

вычислить b

$$ab - b = a$$

$$b(a - 1) = a$$

$$b = \frac{a}{a - 1}$$

По-прежнему пятница. Алгебра

Лилли сразу поняла, что что-то случилось, хотя проглотила чушь про Ларса: «Ой, папа приехал, и у него этот водитель, и он...» Но рассказать ей про принцессу я все равно не могла. Как вспомню, с каким отвращением Лилли говорила в своем докладе про христианских королей, которые назывались помазанниками Божиими и поэтому считали, что отвечают только перед Богом, но не перед своим народом. Хотя мой папа в церковь вообще не ходит, ну то есть ходит, когда бабушка его заставляет.

Лилли поверила про Ларса, но реально засыпала меня вопросами, почему я плакала.

– Почему у тебя глаза красные и опухли? Ты ревела. Почему ты ревела? Что-то случилось? А что случилось? Опять пару получила?

Я только дернула плечом и уставилась в окно на унылые притоны Ист-Виллидж, через которые мы проезжаем, чтобы попасть на магистраль ФДР.

– Да ничего не случилось, ПМС.

– Ничего не ПМС. Оно у тебя было на той неделе, я помню, ты у меня еще прокладку попросила после физры, а потом за обедом слопала две упаковки пирожных с кремом. – Иногда я жалею, что у Лилли такая хорошая память. – Ну, колись давай. Может, Луи снова съел носок?

Было ужасно стыдно обсуждать мой цикл при папином телохранителе. Ларс, он такой, на Болдуина похож. Вообще-то он очень внимательно следил за дорогой, может, и не слышал нас с переднего сиденья, но все равно неловко как-то.

– Все нормально, – прошептала я. – Просто папа, ну ты понимаешь.

– А! – воскликнула Лилли своим обычным голосом. Не помню, говорила я или нет, но обычный голос Лилли – это очень громко. – Это ты про бесплодие? Он что, до сих пор из-за этого страдает? Ему точно необходима самоактуализация.

И она принялась распространяться насчет какого-то юнгианского дерева самоактуализации. Мой папа, по ее словам, находится на нижних ветвях дерева, и он никогда не достигнет верхушки, пока не примет себя таким, какой он есть, вместе со своей невозможностью иметь потомство.

Подозреваю, у меня тоже проблемы с самоактуализацией. Я, наверное, вообще где-то под этим деревом сижу. Может, даже под корнями.

Но сейчас, на алгебре, я вдруг подумала, что и правда все не так плохо. Я размышляла об этом всю продленку и пришла к некоторым выводам.

Они не могут заставить меня стать принцессой.

Просто не могут. В конце концов, это Америка. Здесь каждый может быть тем, кем хочет. Во всяком случае, так говорила миссис Холланд в прошлом году на истории США. Ну а раз я могу быть кем хочу, значит, я не стану принцессой. Никто не заставит меня стать принцессой, даже папа, если я этого не хочу.

Ведь правильно?

Сегодня вечером я просто скажу папе: «Спасибо, но не стоит. Спасибо. Я лучше останусь все той же Мией».

Блин. Мистер Джанини меня только что вызвал, а я представления не имею, о чем он говорил, потому что сидела в дневнике, вместо того чтобы его слушать. У меня горит лицо. Лана помирает со смеху, конечно. Какая же она гадина.

Ну что он меня все вызывает и вызывает? Уже должен бы понять, что я не отличу квадратичное уравнение от дырки в земле. Он просто вяжется из-за мамы, чтобы все видели, что он относится ко мне так же, как ко всем остальным в классе.

Но я не такая, как все остальные в классе.

И зачем мне вообще эта алгебра? Для того чтобы работать в «Гринпис», алгебра не требуется. Ну а уж принцессам алгебра не нужна от слова совсем! Короче, я и без алгебры отлично проживу.

Круто.

Дано $x = a + aby$

Найти y

$x - a = aby$

$$\frac{x - a}{ab} = \frac{aby}{ab}$$

$$\frac{x - a}{ab} = y$$

Поздно вечером в пятницу Комната Лилли Московиц

Ну да, я прогуляла дополнительные занятия с мистером Джанини. Знаю, что не должна была так поступать. Уж поверьте, Лилли ясно дала мне это понять. Я в курсе, что мистер Джанини проводит дополнительные занятия специально для таких, как я, которые не врубаются в алгебру. Помню, что он делает это в собственное свободное время и ему за это даже не платят. Но зачем мне туда ходить, если я точно знаю, что алгебра в моей будущей работе не понадобится?

Я спросила у Лилли, можно ли у нее сегодня переночевать, и она ответила, можно, но с условием, что я не буду вести себя как больная на всю голову. Я пообещала, хотя вовсе не думаю, что веду себя как больная на голову.

Но когда я после школы позвонила маме и спросила, можно ли мне переночевать сегодня у Московиц, она как-то замялась, а потом сказала:

– Э-э, Миа, понимаешь, папа надеялся, что мы сможем еще немного поговорить с тобой сегодня вечером.

Ну круто.

Я объяснила маме, что, конечно, тоже страшно хочу с ними поговорить, но очень волнуюсь за Лилли, потому что ее поклонника выпустили из психушки.

Как только Лилли начала вести свое телешоу, ей стал названивать парень по имени Норман и просить разрешения снять с нее туфли. Родители Московиц считают, что он фетишист. Он заиклился на ногах, точнее, на ногах Лилли. Стал присылать ей всякую всячину, разные диски, чучела животных и прочую дрянь и уверял, что пришлет еще больше всего, если только Лилли снимет туфли в прямом эфире. И что же делала Лилли? Она снимала туфли, только ноги закрывала одеялом, а потом начинала ими дрыгать и говорила: «Ну, Норман, смотри, урод несчастный, я сняла туфли. Спасибо за диски, ты, придурок».

Норман от этого совершенно взбесился и стал рыскать по Гринич-Виллидж в поисках Лилли. Все ее зрители знают, что она живет в Гринич-Виллидж, потому что видели наш замечательный репортаж про пистолет для наклейки ценников. Лилли одолжила его в супермаркете «Грэнд-Юнион», а потом, встав на углу Бликер-стрит и Ла Гуардиа, уверяла проходящих мимо европейских туристов, что, наклеив ценник от «Грэнд-Юнион» на лоб, они смогут получить бесплатный латте в кафе «Дин и ДеЛука» (и просто офигеть, сколько народу ей верило).

И вот несколько недель назад фетишист Норман наткнулся на нас в парке и погнался за нами, размахивая купюрами по двадцать долларов и крича, чтобы мы сняли туфли. Это было очень весело и совсем не страшно, потому что мы сразу помчались на полицейский пост между Вашингтон-сквер Саут и Томпсон-стрит. Там Шестой полицейский участок установил огромный трейлер, чтобы потихоньку следить за наркоторговцами. Мы сообщили, что за нами гонится какой-то странный мужик. И видели бы вы, как двадцать переодетых полицейских (включая того, которого я принимала за старого бомжа, вечно спящего на скамейке) накинулись на визжащего Нормана и отволокли его в больницу Белвью.

С Лилли всегда так интересно.

Но на днях родители сказали Лилли, что Нормана выпустили из психушки и чтобы она не издевалась над ним, если вдруг его встретит, потому что у него просто обсессивно-компульсивное расстройство, возможно, всего лишь со склонностью к шизофрении.

Видимо, поэтому Лилли решила посвятить завтрашнее шоу своим ногам. Она собирается перемерить в эфире всю свою обувь, но при этом ни разу не показать голые пятки. Лилли

надеется, что Норман после этого окончательно сбрендит и выкинет что-нибудь захватывающее, например попытается пристрелить нас из ружья.

Но я не боюсь. Он носит очки с такими толстыми стеклами, что вряд ли в состоянии попасть в цель даже из автомата, который в нашей стране может купить любой псих благодаря разрешению на ношение оружия. Как утверждает Майкл Московиц в своем инет-журнале, это когда-нибудь уничтожит демократию в том виде, в каком мы ее знаем.

Но мама на Нормана не купилась.

– Миа, я, конечно, рада, что ты хочешь помочь подруге в трудный момент, но, по-моему, у тебя дома есть свои обязательства и обязанности, которые надо выполнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.